

КОМУ НАДОЕЛИ АНЕКДОТЫ ПРО МЮЛЛЕРА?

Комм. пролга. — 1995. — 22 марта. — с. 8.
Герой народного эпоса отвечает на вопросы нашего корреспондента

В примерную вошел молодой, усталый, немного грустный человек в старомодном костюме. В особом жилетном кармане у него лежали часы на цепочке, второй конец которой держался в пуговичной петле. Это был доктор Дорн из чеховской «Чайки».

— Не смущайтесь, я буду переодеваться, а вы задавайте вопросы. Времени до начала второго акта не так много...

— Леонид Сергеевич, в кино вы обычно играете этакого весельчака, балагура, человека, много знающего о жизни, а потому ироничного и острого на язык. Взять того же Мюллера в «Семнадцати мгновениях», Велюрова в «Покровских воротах», полковника в рязановских «Небесах обетованных»... Насколько ваш кинообраз или, как теперь говорят, имидж соответствует вашему собственному характеру?

— Не знаю. За многие годы я сыграл огромное количество ролей, и далеко не все из них были веселыми...

— То есть в жизни вы человек совсем другой?

— Я могу быть веселым, но в компании людей, про которых знаю, что они меня любят, или хотя бы равнодушны ко мне. Но не ненавидят. Если я чувствую, что кто-то проявляет ко мне антипатию, замыкаюсь, забираюсь в угол.

Я не хожу ни на какие тусовки, хотя достаточно часто приглашают. Предпочитаю смотреть их по телевизору. А в свободное время лучше перечитаю Пушкина или Чехова.

— Вы, наверное, конфликтуете с режиссерами?

— Я где-то читал, что самый любимый актер покойного Феллини был Марчелло Масто-стриани. По одной причине: в ожидании съемок сидел и дремал. Его будят и говорят — тут нужно снять штаны и быстро под стол. Другой актер спросит: «Почему штаны? Почему под стол?» А Масто-стриани тут же все выполнял с первого дубля. Я так не смог бы. Я все время сомневаюсь и в себе, и в режиссере.

— Леонид Сергеевич, а вот дома у вас кто режиссер?

— Жена. В быту я совер-



шенно беспомощный человек...

— В этом году исполняется сорок пять лет, как вы окончили Ташкентский институт искусств. Как вы, москвич, туда попали?

— Я был в эвакуации в Чимкенте (Южный Казахстан). Работал разнорабочим, пекарем, в исполкоме секретарем-машинисткой, в кукольном театре. Когда подошла война к концу, у меня за плечами было семь классов. В вечерней школе я за один год сдал экзамены за восьмой, девятый и десятый класс. Но поскольку я тогда считался сыном врага народа, то мне разъяснили, что путь в журналистику или в дипломатию, которыми я хотел заниматься, заказан. Одна дорога была открыта — в актеры, это профессия безобидная. Но поступать в Москве я не мог. Поехал в Ташкент. Потом поработал в провинции и решил — надо проверить свои силы в столице, поскольку Иосиф Виссарионович уже умер. В августе 53-го я держал экзамен в Школу-студию МХАТ. Собрался Топорков, Грибов, Массальский, Кедров... Меня приняли сразу на третий курс. Так я получил второе высшее

образование.

— Актер Броневой почти тридцать лет проработал в Театре на Малой Бронной — уж очень символичное совпадение...

— Нет, это совершеннейшая случайность. Я там работал, потому что меня туда приняли. А потом шестнадцать лет работал с Эфросом. А когда он ушел на Таганку, в театр стали меньше ходить. И тут я получаю приглашение от Марка Захарова — сыграть в Ленкоме Крутицкого. Так на старости лет я перешел в Ленком.

— Что такое карьера чиновника — это понятно. Про актера нельзя сказать, что он сделал карьеру, оказавшись в конце концов в престижном театре...

— Жизнь актера — это случайности. Где-то я читал, что у каждого человека есть момент в жизни, когда он этот свой случай не должен пропустить. Про меня говорили, и я сначала обижался, что мой случай наступил тогда, когда меня утвердили Мюллером. Я не думал, что эта роль принесет мне такую известность. Второму режиссеру Зиновию Гензеру говорил: «Тут же не-

чего играть». А он мне ответил: «Ты глупый еще. Ты даже не представляешь, что тебе принесет эта роль».

— Вы сейчас чувствуете свою вину за то, что сыграли Мюллера таким обаятельным, что он стал чуть ли не народным любимцем, героем анекдотов?

— Что вы! Наоборот. Сколько можно было играть фашистов по принципу Кукурыни-сов? Кстати, у Суслова Михаила Андреевича тоже были по этому поводу возражения: фильм вредный, нельзя, чтобы фашист был обаятельным. А кроме того, в фильме показано, что в войне победила разведка, а не народ. «Семнадцать мгновений» были на грани смысла, уничтожения.

За фильм вступились Юрий Владимирович Андропов, перед которым товарищ Суслов немножко пасовал, и министр обороны Гречко. Они сказали, надо показывать таких немцев, которые были в действительности, потому что победа над ними еще дороже.

— Но у вас есть любимый анекдот про Мюллера?

— Ой... Когда журналист задает этот вопрос, я сразу начинаю хуже о нем думать. Анекдоты я эти знаю, люблю. Но меня тошнит уже от всего этого...

— Как я понимаю, понятия «богатство» и «бедность» для вас имеют иной смысл, не материальный...

— Нет, материальный тоже... Я не знаю, что было бы, если бы не было денег на еду, если бы я был вынужден кормить жену картошкой с хлебом... Здесь, в театре, за шесть с половиной лет ни разу не было задержки с выплатой зарплаты. А есть другие театры, где актеры очень плохо живут, почти на грани голода. Я не хочу называть фамилии, среди них есть слишком известные.

Мое счастье и счастье моей жены состоит в том, что мы не хотим больше, чем мы имеем.

— То есть в принципе Ленком в состоянии обеспечить своим ведущим актерам приличную зарплату или же все равно приходится подрабатывать на стороне?

— Не сотни миллионов, но

по крайней мере... У Захарова есть много спонсоров, любящих театр. Большое спасибо нужно сказать мэру Москвы Лужкову — он очень хорошо относится к нашему театру.

— А за продуктами для дома ходите вы?

— Когда нет репетиций, я немедленно бегу за продуктами, стою в очереди. Иногда, когда узнают, уступают место. Но я никогда не соглашаюсь пройти вперед.

Кстати, есть какой-то человек, который, используя фамилию «Броневой», уже все что можно давно получил. Я недавно узнал об этом в Краснопресненском собесе. Его зовут Леонид Семенович Броневой. Он говорит, что он мой двоюродный брат. Он 1915 года рождения... Ну Бог с ним — ему уже семьдесят девять лет.

— Когда вам предлагают роль в кино, вы сразу соглашаетесь?

— Я очень мало сыграл в кино. Но все равно сразу на роль не кидаюсь, и прежде всего требую не литературный, а режиссерский сценарий. Мне его часто не дают — говорят, что его нет. Тогда сразу отказываюсь — потому что это означает, что во время съемок все обязательно переделают, выкинут половину текста...

— А ваши роли у Захарова... С ним сложнее работать в павильоне киностудии или на сцене?

— В кино с Захаровым работать гораздо легче. В театре у него бесконечные замечания. Сколько ни прошло спектаклей, все равно будут поправки. А в кино сказано, снято — и все. Я доволен, что сыграл у него герцога в «Мюнхгаузене», врача в «Формуле любви»...

А теперь мне опять повезло: репетирую герцога Норфолка в пьесе американского драматурга Андерсона. Правда, Захаров с Гориним всю пьесу переписали по-своему. Уже первый акт готов. Это об английской королеве Елизавете, когда она еще не правила Англией, а только лежала в колыбельке.

Беседовал
Александр МИЛКУС.
Фото Олега КОРОЛЕВА.